

несомненно, негативно влияет на обеспечение адекватного уровня защиты персональных данных граждан.

В процессе подписания и ратификации Конвенции 1981 года европейскими государствами на национальном уровне возникали некоторые проблемы адаптации ее положений. Тогда Европейская комиссия выступила с инициативой гармонизации законодательства стран Европейского союза в сфере охраны персональных данных. Результатом этого процесса стало принятие ряда директив Европейского парламента и Совета Европейского союза.

Таким образом, Конвенция 1981 года и принятые следом за ней директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза сформировали основные положения и принципы, касающиеся защиты персональных данных.

В рамках Содружества Независимых Государств также существует определенный порядок защиты персональных данных. В частности, принятый постановлением Межпарламентской ассамблеи государств участников Содружества Независимых Государств от 16 октября 1999 года № 14-19 модельный закон «О персональных данных» [3] предусматривает действия с персональными данными и их правовой режим с учетом норм международного права.

Система международного законодательства в сфере защиты персональных данных, формирование которой началось в середине 20-го века, в настоящее время представляет собой комплекс нормативных актов, содержащих фундаментальные положения и принципы данной сферы.

Такие принципы, как запрет посягательства на тайну корреспонденции и иные личные данные, невмешательство в частную жизнь, могут составить базу при формировании системы законодательства по защите персональных данных в нашем государстве.

Для обеспечения соответствующего международным нормам и стандартам уровня защиты персональных данных граждан в Республике Беларусь считаем необходимым подписание и ратификацию Республикой Беларусь Конвенции 1981 года. В противном случае страна может остаться в информационной изоляции, поскольку Конвенция 1981 года запрещает передачу персональных данных тем государствам или организациям, которые не могут обеспечить надлежащий уровень защиты.

Список использованных источников

1. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 668.
2. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера Электронный ресурс] : [№ в : Страсбурге 28.01.1981 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс» – М., 2015.
3. О модельном законе «О персональных данных»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 окт. 1999 г., № 14-19//1КонсультПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 101.1:316

БИОФИЛИЯ И НЕКРОФИЛИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Ростовская О.М., асс.

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. В статье рассматриваются феномены биофилии и некрофилии в сфере социальной жизнедеятельности: в контексте тенденций виртуализации и медиализации социальной среды, а также развития городского ландшафта.

Ключевые слова: социальная биофилия, социальная некрофилия, виртуализированное общество, медиализированное общество.

Этиология многочисленных социокультурных изменений обнаруживается в феноменах биофилии и некрофилии, определяющих развитие как биологической, так и социальной жизни. О взаимосвязи и противоборстве инстинктов жизни и смерти, присущих органической

материи, в своё время рассуждали З. Фрейд и Э. Фромм – два выдающихся исследователя психики не только в антропологическом, но и в социально-философском контексте.

Э. Фромм не признавал дуализм созидательного начала и деструктивности в качестве равнозначных биологических инстинктов человека и не допускал торжество смерти как закономерное в борьбе двух влечений, оставляя приоритет жизни. В отличие от З. Фрейда, он рассматривал влечение к смерти в качестве психопатологии, а некрофильный характер – как злокачественную форму структуры характера человека. Именно Э. Фромм впервые описал некрофилию – психическое ориентирование, родственное фрейдовскому влечению к смерти. Мыслитель задавался вопросом о том, какие факторы способствуют интенсивности некрофильной ориентации в человеке и на основе наблюдений и психоаналитического опыта сделал предположение, что окружающая среда (особенно в период детства), общественные условия, в которых растёт и развивается личность, являются определяющими. Социальное неравенство и несправедливость в экономической и психологической сфере стимулируют доминацию некрофильных тенденций в человеке. В то же время осознанная и ответственная свобода для созидания, безопасность и справедливость – необходимые социальные предпосылки развития и интенсификации биофилии [1, с. 38–42].

Полагаем, что обозначенные влечения, наблюдаемые в природе и в самом человеке, присущи также и коллективным историческим субъектам, только проявляются они в каждом в тот или иной исторический период в разных пропорциях. В мировой политической истории существовали и сохраняются до настоящего времени коллективные индивидуальности как с доминирующей некрофильной ориентацией (Золотая Орда, гитлеровская Германия и др.), так и с преобладающей биофильной тенденцией развития (Исландия, Швейцария и др.). Но большинство удерживает баланс, который в силу социокультурной изменчивости может смещаться в ту или иную сторону.

Таким образом, влечение к смерти и противоположное ему влечение к жизни характеризует как индивидуальное психическое, так и социальное бытие, выходя за пределы простого отождествления с «Я» и сексуальными влечениями. Сам З. Фрейд в работе «Психология масс и анализ человеческого Я» высказывался так: «Всё, что мы изолировали как психологию индивидуальности, выделилось лишь позднее, постепенно и всё ещё только частично из древней массовой психологии» [2, с. 121].

Общественная жизнь буквально пропитана идеей смерти, влечением к смерти. Э. Фромм характеризовал бюрократически-индустриальную цивилизацию (масштабы которой заметно увеличились за последние десятилетия) как механичную, создавшую новый тип человека – *homo mechanicus*. Эту разносторонне проявленную механичность индивида и общества можно обозначить в качестве некрофильной ориентации, используя терминологию Э. Фромма – «влечения к мёртвому и тотальному разрушению» [1, с. 44].

За последние десятилетия выразительной характеристикой современного общества стала виртуализация коммуникативного пространства, в котором феномен смерти занял своё положение, доступное для обозрения и закрепления в индивидуальном сознании. Нынешний образ смерти можно охарактеризовать как обратную сторону её позднесредневекового видения, определённого нидерландским историком культуры Й. Хёйзинга словом «макабрическое», т. е. воспевающее всеобщее равенство в смерти, обнажающее её «земной, своекорыстный лик», и ужас, и неизбежность близкой кончины. В позднем Средневековье смерть воспринималась в аспекте бренности земного бытия, в контексте страха перед жизнью, разочарования и отчаянья. Её образ преподносился толпе в проповеди и гравюре, сочетая в себе мотив «былого великолепия», мотив тления плоти и мотив Пляски смерти («*La Danse macabre*») [3, с. 165–179]. Сегодня перед нами другая картина: обостренное чувство *metoia* порождает противоборство интерпретаций и страх преобладания чьей-либо одной (интерпретации прошлого, истории, мира, порядка, закона, жизни и смерти и т. д.), красноречивый призыв «*Memento mori!*» совершенно лишен религиозной окраски, удалён во времени и пространстве, отчуждён и трансформирован в мотив, предостерегающий о смерти памяти.

В настоящее время в мире «очарование мёртвым» культивируется в глобальных масштабах и также глобально виртуализируется. Смерть и влечение к деструктивному и мёртвому как бы отчуждаются путём виртуализации, однако на самом деле, ретушируя страх, становятся потребностью и привычкой. Дуализм проявляется в том, что чем более спокойно воспринимается ставшая привычной виртуальная смерть, тем ужасней становится смерть реальная. Когда убийства и другие виды насилия выходят за пределы виртуального

мира, им же спровоцированные, и предстают настоящими, угрожающими жизни людей, это вызывает страх и панику. Общество не готово к этому и не знает, как с этим бороться.

Также наблюдается тенденция к медиализации социума. Современное общество действительно можно назвать медиализованным, т. к. оно предлагает множество способов лечения, реабилитации, улучшения качества жизни. Сегодня существует и активно пропагандируется культ здоровья и красоты. В данном контексте пугает человека не сама отстраненная, проецируемая на будущее смерть, т. к. она воспринимается как привычная и виртуальная. Страшат реальные болезни, убийство, смерть, которые выходят за пределы миров виртуализации и медиализации. То есть когда человек сталкивается с неизлечимой болезнью, непреодолимой старостью или реальной жестокостью, он и само общество становятся беспомощными, чувствуют свою уязвимость и являются таковыми на самом деле, хотя боятся признать это, боятся выйти за пределы привычного комфорта – физического и психологического, который организует развитие технологий.

Обозначенные выше признаки социального бытия демонстрируют противоречивое соотношение биофилических и некрофилических проявлений. В виртуализированно-медиализованном коконе смерть иллюзорная, отдаленная, словно иллюстрация или игра. Но за пределами сферы комфорта мир некрофилен без прикрас. В то же время, если проанализировать социальные тенденции, стоит отметить в качестве преобладающего влечение к биофилии. Наиболее выразительно это демонстрирует культурный ландшафт городов. Под влиянием урбанизационных процессов, идеологической политики, военных действий, разного рода природных и социальных катаклизмов и других факторов разрушение, т. е. некрофильная тенденция, предшествует созданию нового, возобновлению, т. е. биофильной деятельности. Жизнь, пусть уже в иной форме и посредством уничтожения и смерти, превалирует.

Чрезвычайно выразительно феномен социальной биофилии демонстрируют городские некрополи – места, где покоится общество умерших.

В процессе исторического развития городов кладбища оказываются в непосредственной близости от жилых строений, в центральных районах. Жилищный фонд сам внедряется в мемориальное пространство, что можно трактовать как вытеснение кладбищ из городской культурной среды. Они субституируются – замещаются другими, новыми, объектами и со временем становятся забвенными. Субституционные места захоронений многослойно накапливаются, превращая урбанизированный город в забвенный некрополь, который, имманентно сосуществуя с витальным социокультурным городским пространством, с неизбежной закономерностью расширяет свои границы. Стоит выделить два вида субституции кладбищ: тотальный и частичный (скрытый, закамуфлированный). Первый вид предполагает полное замещение кладбищ (газоном, лесопарковой зоной, игровой площадкой, площадью или какими-либо строениями, в частности жилыми) и, соответственно, их полное исчезновение из актуальной городской социальной среды. Второй вид предусматривает как brutальные формы, например замещение части территории кладбищ застройкой или дорогой, так и создание некрополей-музеев и некрополей-парков. Таким образом, очевидна претензия общества на места, целенаправленно отведенные смерти, и в этом обнаруживается подтверждение тому, что биофилия проявляет себя на социальном уровне, противопоставляя смерти и местам её объективации жизнь и места жизни.

Биофильные и некрофильные социальные ориентации можно рассматривать и на других примерах, например, в политической сфере, в искусстве. Однако это предмет отдельных исследований.

Список использованных источников

1. Фромм, Э. Душа человека, его способность к добру и злу / Э. Фромм // Душа человека. – М. : Республика, 1992. – С. 13–108.
2. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я / З. Фрейд // По ту сторону удовольствия : пер. с нем. – Минск : Харвест, 2004. – С. 67–142.
3. Хейзинга, Й. Осень Средневековья / Й. Хейзинга ; пер. с нидерландского Д. В. Сильвестрова. – 4-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 544 с.